

Недостижимое совершенство

Катя Бояджян – дочь французской танцовщицы и армянского фотографа, уроженца Киликии, оказавшегося после Геноцида в Египте. Катя родилась в Каире в 1958 году, но после начала новой политики Насера семья решила переехать в Париж. Во Франции ее отцу Анджело, известному в Каире фотографу, пришлось начинать все с нуля. Но не успехи ее отца или дяди, еще более знаменитого фотографа Левона Бояджяна (Ван Лео) повлияли на ее выбор профессии.

Сама она объясняет все счастливым случаем – встречей с Даниэлем Журэ, художником и скульптором из города Кан (Нормандия). Большая любовь друг к другу и общая страсть к искусству объединяют их уже многие годы. Сначала Катя была моде-

Из цикла фотографий «Рабочие дни»

Мастерская в Ревьере, ноябрь 2002, на фото Катя Бояджян и Даниэль Журэ, Фото Кати Бояджян

Мастерская в Ласоне, июнь 1997, фото Кати Бояджян

лью художника. С нее писались главные картины Журэ. Позже она стала фотографировать рабочий процесс в мастерской художника, затем последовали серии фотографий «Рабочие дни», «Египетские дневники», «Хронические портреты», «Путешествие в Армению» и др. Живя в Нормандии, Катя и Даниэль совместно участвуют во многих выставках. В 2007-м, в рамках Года Армении во Франции, прошла выставка «hАйастан. Путешествие в Армению». Кроме того, Катя участвовала в коллективной выставке «Восток армянских фотографов», организованной Институтом арабского мира в Париже, где наряду с работами братьев Абдулла, Ван Лео и др. было показано твор-

чество представительницы нового поколения семьи фотографов.

Что такое для Вас как артиста совершенство?

– Для каждой эпохи есть свое совершенство согласно стандартам представления, которые она для себя определяет. И, без сомнения, желательно переступить через эти стандарты. В наше время уже не осталось ничего, через что еще можно переступить, кроме моральных кодексов. Но это уже не из области искусства. Для меня совершенство – это фотография со своими границами, которые переступает только эмоциональность. Другими слова-

Мастерская в Ласоне, апрель 1996, фото Кати Бояджян

ми – вдохновение последнего мгновения, радость фотосъемки во всей ее свободе. Совершенство не может быть чем-то чрезмерно расхваленным или искусственно сфабрикованным, оно многообразно.

Художник не должен искать совершенство, он должен передать хаос вдохновения без его беспорядка. Многие тираны искали совершенство, но никто его не нашел, так как это химера. В терминах фрейдизма – это невроз, который приводит к тоталитаризму. Все авторитарные режимы гордятся своим совершенством.

Вы никогда не ищете совершенства?

– Люди его не находят только потому, что ищут – это единственная

причина. Совершенство имеет свою автономность, и когда оно полностью раскрывается, оно всегда кажется анонимным в том смысле, что каждый может его признать своим. Таково воздействие искусства.

Что для Вас совершенство в фотографии?

– Желание совершенства и безупречности в фотографии, как и в других видах искусства, направлено на создание шедевра. Поэтому совершенство встречается редко, оно приходит, когда захочет, практически по недосмотру, случайно. Единственное, что возможно, – быть готовым в этот момент его встретить и принять, что, в принципе, и значит творить. В этом за-

ключается работа художника в широком смысле этого слова.

Если сравнить Ваши творения с творчеством Вашего отца и Вашего дяди, известных фотографов, которые снимали, в основном, знаменитостей, пытаясь показать весь блеск и глянец, создается впечатление, что Вы выбрали путь прямо противоположный. Ваши сюжеты касаются совсем других сторон жизни, как, например, цикл фотографий, сделанных в домах престарелых, или фотографии из Армении, Египта... Это осознанный выбор? Желание дистанцироваться от известных фотографов-родственников? Что Вы пытаетесь передать?

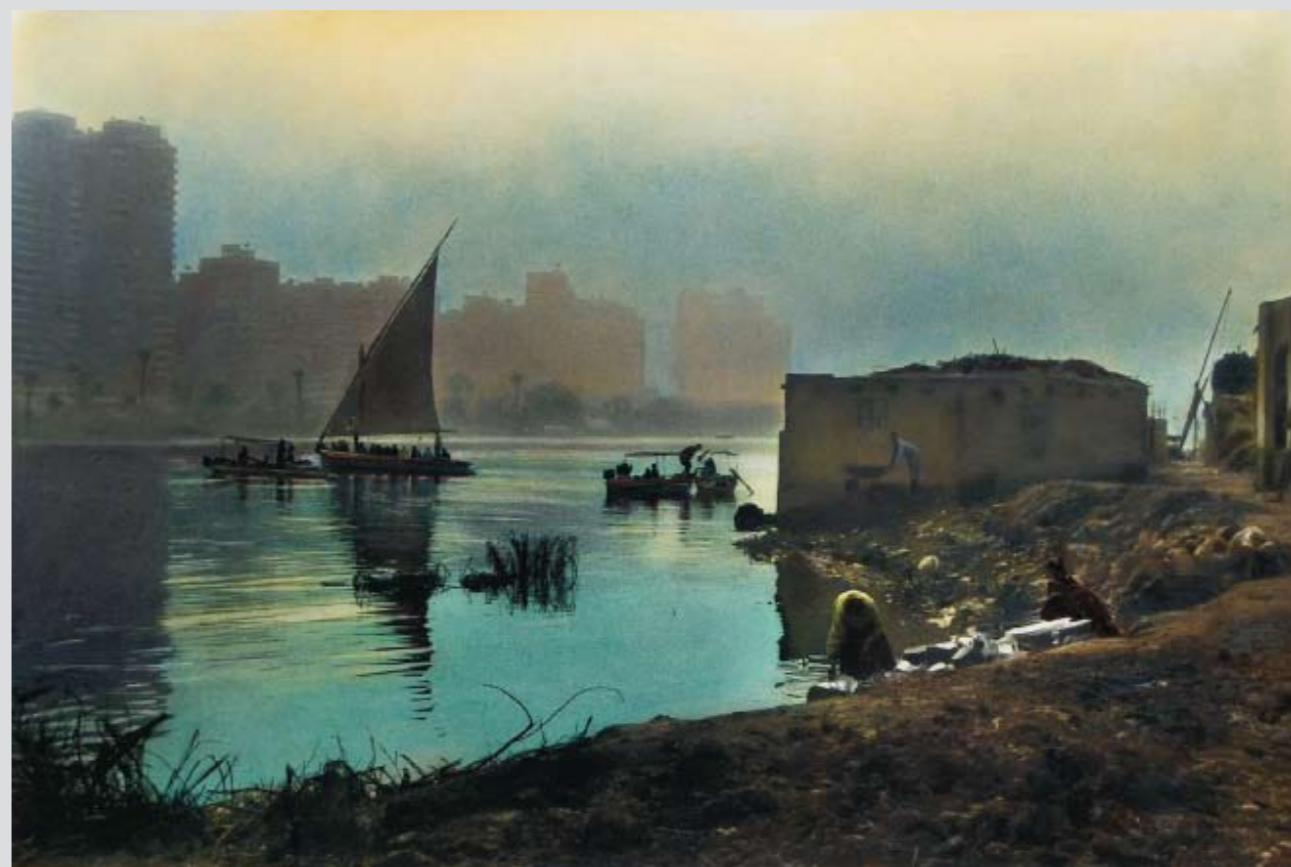
– Да, у меня с ними прямо противоположный выбор, наверное, из-за различия эпох... Но еще больше, думаю, из-за различия характера. Наши идеологические позиции служат разным целям. К тому же из-за тягот изгнания мои отец и дядя нуждались, без сомнения, в великосветском признании, чтобы восстановить потерянный нарциссизм разгромленного народа. Ведь в ту эпоху армяне только что прошли через первый современный Геноцид. Бедные, в изгнании, они хотели показать миру достоинство выжившего народа, отвоевать его. Этим объясняются средства, которые использовали отец и дядя в своих фотографиях: блеск цвета, качество пике (соотношение частоты и контраста, качество точности фотографии), к которому никак не придерешься, безупречность, которая не входит в мои амбиции. Вопреки нашему времени всеобщего краха и бегства, которое стремится к материальным завоеваниям и пренебрегает красотой старости, увядающего возраста, животного состояния, простоты, подлинности, я пытаюсь показать именно это. Таково мое отвоевание мира: показать то, что современное варварство хочет забыть и чем пренебрегает. Заставить блистать мир старости, мир такой мягкой и спокойный, но исчезающий...

Катя Бояджян – творец независимый, или только в тандеме с Даниэлем Журэ, художником, скульптором и фотографом? Существуют ли

Из цикла фотографий «Египетские дневники»

Переход через Нил – Рашид, 1998

Джезире Дахаб, Каир, 1999

Мадам Риу, Дом престарелых г. Кана, январь 2001

у этих двух творцов независимые друг от друга артистические проекты или они – неразделимая пара как в жизни, так и в творчестве?

– Два артиста в одной художественной мастерской и в одной постели рожают совместные проекты! Это, конечно, результат ежедневной жизни, но не только. С самой первой совместной нашей выставки публика и организации изъявили именно такое желание. Они увидели в нас взаимодополняемость.

Нет сомнения, что каждый ищет свое парное отображение, в этом

идея самоосуществления и та самая идея анонимности. Пара есть порождающее начало. Без сомнения, женщина здесь наравне с мужчиной в созидании, но без претензий на реваншизм, в гармоничном союзе.

Конечно, оба автора, как и все люди, имеют свою отдельную жизнь, свои требования. Существуют самостоятельные работы. По крайней мере, работы, показанные в дуэте, могут быть представлены также как самостоятельные.

Как пришла идея раскрашенных фотографий? Один из последних

циклов «Путешествие в Армению» сделан как раз в этой технике...

– О, это очень давняя история. Мой отец раскрашивал свои фотографии у колористов-ретушистов в Каире. Он мне рассказывал об этих чудесах и о технике, которой он так никогда и не овладел. Но это, конечно, не единственная причина. Я люблю автохромные фото (*способ получения цветного снимка по аддитивному методу, использующий пространственное смешение цветов; исторически первым коммерческим способом создания растровой цветной фотографии был Autochrome братьев Люмьер, запатентованный ими в 1903 году. – Д.С.*) и печать Fresson. Через технику раскрашивания маслом я приблизилась к тому и другому. Совместная жизнь с художником очень помогла мне методически понять этот вид раскрашивания.

Что Вас вдохновляет в жизни и творчестве?

– Активное сопротивление моральному уродству. Сопротивление расплывению идентичности через сохранение различий. Идентифицируясь с воссозданным миром, тем самым спасаешь его.

У Вас большая привязанность к Египту и Армении. В первой из этих стран Вы родились, из второй Ваши корни. Насколько для Вас важно показать французской и европейской публике фоторепортажи из этих стран? Вы пытаетесь передать что-то сугубо личное или на месте Армении и Египта могли быть Индия, Китай, любые другие экзотические и непривычные для европейского восприятия страны?

– Да, для меня важно извлечь с точностью то, что предлагает себя в своем своеобразии, в своей подлинности. Извлечь аутентичность территории, так как последняя определяет тематику, которая в реальности способна вызывать эмоции. Это могло бы относиться и к Гренландии, Зимбабве или Огненной Земле, но Вы правильно подметили: Армения и Египет формируют мои ориентиры, которые я с большим воодушевлением

Катя в мастерской в Ревьере, 2005, фото Даниэля Журз

передаю публике. Тем не менее фотографии, которые я сделала и привезла из Армении, не были оценены местной публикой, а фотографии из Египта спровоцировали скандал в Александрии. Без сомнения, существуют культурные различия, когда речь идет об автономии взгляда на произведение искусства. И – возвращаясь к первому вопросу – различные представления о совершенстве.

Почему Вы выбрали именно фотографию своей профессией? Почему не другой вид искусства? Что повлияло на Ваш выбор?

– Связав свою жизнь с художником, я быстро поняла, что искусство живописи требует готовности к мучениям, которой я особо не обладала. Фотография сначала выпала на мою долю как необходимая для мастерской художника деятельность. Магия самостоятельного творчества ярко проявилась в течение цикла «Рабочие дни». Именно эта серия портретов/автопортретов

сыграла судьбоносную роль в моем становлении фотохудожника.

Вы считаете себя профессиональным фотографом или же художником в широком понимании этого слова?

– Я считаю себя художником-фотографом, имея в виду, что любое профессиональное отношение уже антагонистично творению. Моя цель – это поэзия через изображение, показать невыразимое.

Как армянская тема вошла в Вашу жизнь? Вы ее ощущали с самого детства или открыли для себя уже в зрелом возрасте?

– Армянская тема содержится в моих генах. Для более близкого изучения мне понадобилось время, как и многим другим этническим армянам. Время на то, чтобы открылись границы после распада СССР, так как историко-географическая реальность противоположна моей личной истории.

Первая и пока единственная моя поездка в Армению длилась два месяца. Армянский типаж всем знаком: черные брови, соединяющиеся на челе как крылья птиц, бархатные глаза... Но у меня тоже ведь кавказский типаж – блондинка со светло-серыми глазами, однако там он встречался мне очень редко.

Армения – очень неожиданная страна, у которой много общего с Европой 1950-х годов. Положение христианского анклав среди мусульманских стран еще больше связывает ее с Европой и европейскими нравами. И ответы, которые дает армянский народ как социальным, так и религиозным своим потребностям, не отличаются от европейских.

Играет ли религия какую-нибудь роль в Вашей жизни?

– Меня крестил в Каире католический священник, так как его религиозные услуги и гонорары были более скромными, чем услуги армянского патриархата (*Армяне в Египте часто называют свою*

Из цикла фотографий «Айастан. Путешествие в Армению», 2001

Гора Арарат

Зонты

Роберт и Соня Эвоян, Санаин

Улица Тпагринчери, Ереван

В поезде

Гавань на Сен Жермен сюр Ай

епархию патриархатом. – Прим. ред.). Вероятно, это обычная ситуация армянского мигранта, однако она прямо отвечает на ваш вопрос, подчеркивая мою религиозную нейтральность.

Почему, по-Вашему, деятели визуального искусства склонны к философии? Есть ли у Вас своя философия творчества?

– Очевидно, что философы всегда больше интересовались визуальными искусствами, в частности, живописью, чем другими видами искусства, например, музыкой, которая отвечает естественной потребности и является прежде всего искусством развлекательным. А визуальные виды искусства во всех своих абстракциях несут миру суждения об образе бытия. Исходя из этого, я считаю правильным, чтобы создатели визуального искусства отвечали на абстрактные вопросы философов. Изображение – это неожиданное вторжение в интерпретированную людьми реальность, которое следует доказывать и подтверждать.

Плоскогорье Лалвар, Армения

Что, по-Вашему, сегодня происходит – развитие, эволюция визуальных искусств или деградация и упадок вследствие того, что коммерческий успех стоит на первом месте?

– Очевидно, что искусство переживает упадок. Визуальные виды искусства тоже деградируют, как и

все остальные его виды, как деградируют человечество, различие, духовность, сыновья любовь... Самое опасное сейчас не климатическое потепление планеты, а остывание людских сердец. ☹

(Беседу вела Диана СТЕПАНЯН)

Катя, Аштаракский район, Армения, 2001